

Сорья Град

ПОСЛЕДНЕЕ
ЛЕТО В ГЛУХОВО

Софья Град

Последнее лето в Глухово

<https://litres.ru/74091454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Удалить соцсети. Заблокировать контакты. Сбежать.

Измученная выгоранием художница Варя ищет спасения в отрезанной от мира деревне Глухово. Но летняя идиллия мгновенно рассеивается, обнажая зловещую изнанку этого места.

Здесь за наглухо закрытыми ставнями изб прячутся мрачные тайны, а тишина кажется удушливой. Деревня уже десять лет хранит память о загадочной пропаже троих детей, и теперь, накануне Ивана Купалы, проклятие Глухово и древнего Леса просыпается с новой силой. Нагнетаемый морок затапливает улицы ледяным туманом, а дикие звери подходят к самым домам, начиная выть человеческими голосами.

Варя чувствует, что невидимые путы тёмной магии стягиваются вокруг неё всё сильнее, а Лес настойчиво зовёт её в самую чашу. Сможет ли она выжить и спасти свою душу, когда маски будут сорваны, а сакральная купальская ночь станет для неё последней?

Содержание

Глава 1. Дом на отшибе	4
Глава 2 Славянские руны Чернокнижника	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Софья Град

Последнее лето в Глухово

Глава 1. Дом на отшибе

Я прижалась лбом к пыльному, нагретому солнцем стеклу пассажирского сиденья и в очередной раз взглянула на экран телефона. Безжалостное «нет сети» горело на дисплее уже добрых полчаса. Внутри шевельнулось странное чувство глухой тревоги.

Это был мой побег. Самый настоящий, трусливое бегство из города, который за последний год буквально перемолол меня и выплюнул. Полная потеря контроля над собственной жизнью, жуткое ментальное выгорание и бессонница, от которой не помогали никакие таблетки.

Я, дипломированный художник - иллюстратор, больше не могла заставить себя взять в руку стилус или кисть. Меня тошнило от вида бесконечных правок, дедлайнов и фальшивых улыбок городских заказчиков. Внутренний ресурс выгорел дотла. Когда умер мой двоюродный дедушка. Родители собирались продать его старую избу в глуши за бесценок, но я не могла упустить такой шанс. Я поступила радикально. Взяла творческий отпуск, отказалась от всех проектов до осени, забрала накопленные сбережения, которых должно

было впритык хватить на три месяца скромной деревенской жизни, и сбежала. Мой план был прост до глупости: отключить телефон, дышать воздухом и попробовать снова начать рисовать - на этот раз настоящим маслом на холстах, просто для себя, чтобы спасти свой рассудок. Заблокировала контакты, удалила соцсети, собрала три огромные коробки с вещами, краски, холсты и уехала. Мне казалось, что три месяца абсолютного одиночества в глухой деревне пойдут мне на пользу.

— Приехали, дочка, - угрюмо буркнул водитель такси.

За всю дорогу это были первые слова, которые он смог из себя выдать. Машина затормозила у бетонной автобусной остановки, наполовину заросшей жирными лопухами и иван-чаем. Сразу за ней открывался вид, от которого у меня перехватило дыхание. Это было потрясающе красиво. Огромная, залитая ослепительным июньским солнцем лужайка переходила в круглое, светлое лесное озеро. С деревянного мостика с громким, залиvistым криком прыгал в воду белобрысый мальчишка лет десяти, а с берега на него строго прикрикивала пожилая женщина в опрятном платке. Чуть дальше, на сочном зеленом поле, лениво жевали траву коровы, мирно звеня колокольчиками. Никакой жути, только тепло, запах нагретой хвои и парного молока. Таксист снова тронул машину и провёз меня через всю деревню до самого её конца. Наш автомобиль остановился у покосившегося деревянного забора. Дальше дороги не было - машина упи-

ралась прямо в глухую, монолитную стену темного хвойного леса. Дом дедушки выглядел старым, потемневшим от дождей, но еще крепким. Водитель молча выгрузил мои тяжелые чемоданы прямо на пыльную траву у калитки. Прежде чем сесть за руль, он достал сигарету, щелкнул зажигалкой, пристально посмотрел на меня и покачал головой:

— Ты, дочка, городская, зря сюда на всё лето приехала. Место тут тяжёлое, отрезанное от мира. Изба на самом отшибе стоит. На ночь задвижки по крепче закрывай. И в лес одна не суйся, особенно к июлю ближе, в купальские дни. Чужих здесь не любят.

Машина развернулась и уехала, поднимая густое облако серой пыли. Я осталась стоять в звенящей, непривычной тишине, которую нарушало только ленивое жужжание шмелей в зарослях крапивы. Воздух пах нагретой на солнце сосновой хвоей, горькой полынью и близкой водой озера.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь заставить себя сделать первый шаг к калитке дедушкиного дома, как вдруг со стороны соседнего участка послышался тихий, сухой стук, будто столкнулись деревянные бусины. А следом из высокой травы раздалось мягкое, синхронное мяуканье.

Я обернулась и замерла. Через невысокий, полуразрушенный штакетник на меня смотрела девушка. Она была совсем невысокой, хрупкой, а её голову украшала копна ярко-рыжих кудрявых волос, вспыхивающих на июньском солнце золотыми искрами. Одета она была просто, но очень гармо-

нично: в свободный хлопковый сарафан глубокого травянисто-зелёного цвета, перехваченный на талии широким коричневым кожаным ремнём. Её шею украшали тяжёлые ожерелья из гладких деревянных плашек, покрытых выжженными угловатыми знаками, и бус из потемневшего от времени кедра. Оба её запястья до самых локтей были унизаны тонкими кожаными браслетами, ремешками и плетёными шерстяными фенечками лесных оттенков. При каждом движении они издавали едва слышный, шуршащий звук.

У её ног, лениво оббивая хвостами деревянные столбики забора, сидели две абсолютно чёрные, гладкие кошки с пронзительными жёлтыми глазами. Они смотрели на меня так же внимательно, как и их хозяйка.

Девушка улыбнулась так открыто, искренне что у меня внутри сразу потеплело. В её глубоких карих глазах прыгали озорные, но при этом пугающе мудрые искорки. Она протянула мне через забор пучок свежей, сильно пахнущей травы с мелкими сероватыми соцветиями.

— Привет! - звонко крикнула она, и её голос показался мне хлёстким, немного шуршащим, будто шелест сухих листьев под ногами. — Ты, получается, внучка Павла Егоровича? Рада, что в этом доме наконец-то кто-то поселился. Я твоя соседка, Ишь. На, держи, это полынь.

Я растерянно сделала пару шагов к забору и приняла горьковатый, резко пахнущий букет. Чёрные кошки у её ног коротко мяукнули в унисон, словно подтверждая её слова.

— Спасибо... Я Варя. А зачем она мне?

Ишь подмигнула, склонив голову набок, отчего её рыжие кудри рассыпались по зелёным плечам сарафана.

— Повесь над дверью внутри дома. Твой дедушка всегда так делал в начале июня. Знаешь, старые люди говорят: лесные духи сейчас просыпаются, злые они после зимы, порченные. Полынь их близко не подпустит. Если ночью в ставни скрестись будут — не открывай. Это они так, балуются.

Я невольно усмехнулась, списав её слова на обычную деревенскую чудинку и любовь к местным сказкам. От девушки веяло таким теплом и бьющей через край жизненной энергией, что её предостережения совсем не пугали.

— Ладно, учту. Спасибо за совет, Ишь.

— Ишь, ну зачем ты пугаешь нашу новую гостью в первый же день? — раздался за моей спиной мягкий, бархатный мужской голос.

Я вздрогнула и резко обернулась.

Возле моих коробок с холстами стоял мужчина. На вид ему было около двадцати семи лет, не больше. Он был удивительно, как-то породисто красив, но его внешность сразу контрастировала с пасторальным деревенским пейзажем. Высокий, неестественно худой, с тонкими чертами лица и пронзительными, иссиня-чёрными волосами, которые аккуратными прядями падали на лоб. Кожа у него была прозрачно-бледная, почти фарфоровая, какая бывает у людей, месяцами не видящих солнечного света. На нём была простая, но

идеально чистая тёмная рубашка. От мужчины веяло сложным, дорогим парфюмом, но сквозь этот аромат почему-то пробивался едва уловимый, странный запах... так пахнет сырой, глубокий погреб.

Мужчина вежливо улыбнулся мне тонкими губами, но его тёмные глаза оставались абсолютно холодными.

— Здравствуйте. Меня зовут Влад. Я живу в следующем доме, держу здесь пасеку, - представился он и легко, без видимых усилий подхватил мою самую тяжёлую коробку. — Не слушайте Ишь, она у нас любит нагонять мистики на городских. Давайте я помогу вам занести вещи в дом.

Я мельком глянула на Ишь. Её дружелюбная улыбка мгновенно исчезла. Рыжеволосая шаманка молча, пристально и с какой-то глубокой, затаённой тревогой смотрела на Влада. Обе её чёрные кошки разом выгнули спины и глухо, предупреждающе зашипели в сторону соседа. Влад в ответ даже не взглянул на них, полностью зафиксировав своё внимание на мне.

Влад терпеливо ждал моего ответа, по-прежнему удерживая в руках коробку. Я перевела взгляд с его безупречной, но мертвенно-бледной улыбки на Ишь. Рыжая шаманка больше не улыбалась. Она стояла неподвижно, скрестив руки на груди, а обе её чёрные кошки замерли у штакетника, уставившись на Влада немигающими жёлтыми глазами. Атмосфера между ними была враждебной, что мне стало не по себе.

— Спасибо, Влад, я... я, пожалуй, сама справлюсь, - веж-

ливо, но твёрдо произнесла я, протягивая руки к коробке. — Мне всё равно нужно сначала осмотреться и решить, куда что ставить. Не хочу вас утягивать.

Влад на секунду замер. Мне показалось, что в его чёрных глазах промелькнуло раздражение, но он тут же мягко кивнул и опустил ношу обратно на траву.

— Как пожелаете, Варвара. Если понадобится помощь с дровами или тяжёлой мебелью - моя пасека сразу за вашим пролеском. Добро пожаловать в Глухово.

Он слегка наклонил голову, прощаясь, повернулся и пошёл прочь по пыльной дороге. Шёл он удивительно бесшумно для взрослого мужчины. Я проводила его взглядом и только сейчас заметила, что, когда он проходил мимо соседского забора, кошки Ишь синхронно зашипели, прижав уши к головам.

Я обернулась, чтобы спросить у Ишь, что всё это значит, но забор был пуст. Рыжеволосая соседка исчезла так же тихо, как и появилась. Только в глубокой траве у калитки лежал оставленный ею пучок горькой июньской полыни.

Оставшись в полном одиночестве, я вздохнула, подняла полынь и решительно толкнула старую калитку своего нового дома. Замки дедушкиной избы поддались с тяжёлым, ржавым стоном.

Это был просторный, крепкий двухэтажный дом из потемневшего от времени толстого бруса. Его фасад украшала просторная веранда со старыми деревянными перилами,

оббитая сухими стеблями прошлогоднего дикого винограда. Шагнув на её скрипучие доски, я толкнула массивную дубовую дверь и оказалась внутри.

В нос сразу ударил густой, плотный запах сухого дерева, старых книг, воска и вековой пыли. Первым делом я перетащила все свои коробки и чемоданы на веранду и, повинувшись какому-то странному внутреннему порыву, всё-таки закрепила букетик полыни над входом. Затем заперла дверь на массивный железный засов.

Первый этаж встретил меня прохладой и полумраком. Здесь располагалась просторная кухня с потемневшим деревянным столом и уютная, но запущенная гостиная со старой мебелью в чехлах. Окна первого этажа были закрыты тяжёлыми дубовыми ставнями.

В углу гостиной притаилась старая, крутая лестница. Каждая ступенька под моим весом отзывалась протяжным, жалобным скрипом. Поднявшись на второй этаж, я оказалась в светлой большой комнате с высоким треугольным потолком. Здесь было гораздо уютнее: у стены стояла крепкая железная кровать, пара старых кресел, а у большого окна, выходящего прямоком на стену глухого леса, расположился массивный письменный стол. Я сразу поняла - это моё идеальное место для рисования. Отсюда открывался невероятный, хоть и немного пугающий вид: бескрайнее зелёное море тайги начиналось буквально в тридцати метрах от моего забора.

Солнце медленно катилось к закату, окрашивая верхуш-

ки вековых елей в багровые, почти кровавые тона. Моя первая ночь в Глухово начиналась. Я расстелила постель, зажгла оставшуюся от дедушки свечу (электричество в доме, к счастью, работало, но тусклая лампочка под потолком только нагоняла тоску) и легла, вслушиваясь в непривычные звуки оживающего ночного леса за окном.

Глава 2 Славянские руны Черно knjижника

Первое деревенское утро встретило меня оглушительным, многоголосым птичьим хором и косыми лучами ослепительного июньского солнца, пробивавшимися сквозь щели деревянных ставней. Вопреки всем пугающим предостережениям таксиста и странным намёкам рыжей Ишь, ночь прошла абсолютно спокойно. Никто не скребся в окна, никто не звал меня из лесной чащи. Тайга за забором спала мирным, безмолвным сном, и все вчерашние страхи теперь казались мне глупыми городскими предрассудками, порождёнными усталостью от долгой дороги. Часы показывали едва за половину седьмого утра. В городе в это время я обычно только-только закрывала глаза после очередной бессонной ночи, но здесь, в Глухово, воздух был настолько чистым и густым, что я проснулась абсолютно бодрой. Сварив на старенькой электрической плитке крепкий, ароматный кофе. Я толкнула тяжёлую дверь и вышла на просторную веранду. Утренний воздух был прохладным, свежим и пах росой, скошенной травой и горьковатой смолой. Подняв голову, я заметила, что пучок полыни, который я вчера послушно закрепила над входом, за ночь высох и теперь едва заметно шуршал от лёгкого ветерка. Я устроилась на старом деревянном сту-

ле с высокой спинкой, поджав под себя ноги и укутавшись в тёплый вязаный кардиган. В одной руке я сжимала горячую кружку, от которой поднимался тонкий пар, а на колени положила старую, потрёпанную книгу с пожелтевшими страницами — один из тех детективов, что пылились на полках дедушкиной гостиной. Деревня только начинала просыпаться. Где-то далеко, на другом конце Глухово, пронзительно и звонко прокукарекал петух, а следом послышалось протяжное, ленивое мычание коровы — судя по всему, жители уже выгоняли своё стадо на пастбище. Мимо моей калитки, шумно фыркая, трусцой пробежал крупный пёс, но, даже не взглянув в мою сторону, скрылся в пролеске. Я сделала первый глоток обжигающего кофе и открыла книгу на первой странице. Строчки побежали перед глазами, утягивая меня в сюжет, но краем глаза я всё равно продолжала следить за тем, как солнечные лучи ползают по перилам веранды, а стена столетнего елового леса в тридцати метрах от меня постепенно окрашивается из утреннего золота в глубокий, сочный изумрудный цвет. Это было то самое идеальное, благословенное уединение, о котором я мечтала весь последний год. Эту благодать прервал тихий, едва слышный шорох со стороны калитки. Я оторвала взгляд от книги и невольно улыбнулась. По пыльной траве, прямо к моим ступеням, бесшумно шел парень примерно моего возраста. На нём были свободные светлые штаны, испачканные на коленях землёй, и лёгкая рубашка с засученными рукавами, а на голове красо-

валась забавная соломенная шляпа с широкими полями. В руках он несильно сжимал большую плетёную корзину, доверху наполненную охапками свежесрезанных, безумно ярких ночных фиалок и каких-то диких цветов, от которых по всему двору тут же разнёсся сладкий, медовый аромат.

— Доброе утро! - негромко, чтобы не нарушать тишину, произнёс он и весело приподнял край своей шляпы. — Простите, если помешал. Я Артём, ваш сосед по проулку. Садовник местный. Вчера вечером увидел свет на веранде и решил зайти познакомиться, пока солнце не начало жарить. Подумал, вам, как городской жительнице, не помешает немного полевых цветов для уюта

— Доброе утро! — я дружелюбно улыбнулась и отложила книгу на столик. — За цветы спасибо, безумная красота. Заходи, не стесняйся. Хочешь кофе? У меня как раз свежесваренный.

— От кофе не откажусь, спасибо, — обрадовался он, ловко открыл калитку и поднялся по скрипучим ступеням на веранду. — В нашей глуши хороший кофе — редкость. Обычно все чай на травах пьют.

Я забрала у него тяжёлую плетёную корзину. Аромат фиалок был невероятным. Я зашла в дом, отыскала на кухне старую стеклянную вазу бабушки, налила колодезной воды и аккуратно разделила цветы на два пышных букета. Один оставила на кухонном столе, а второй вынесла обратно на веранду. Там, среди деревянной мебели, стоял небольшой круг-

лый столик.

Я вынесла Артёму кружку горячего напитка, и мы устроились друг напротив друга.

— Ну, давай знакомиться — начала я, сделав глоток. — Меня зовут Варя, мне двадцать два года. Я из города. По профессии художник-иллюстратор — рисую картинки для книг, игр, всякие цифровые баннеры. Приехала сюда на всё лето, потому что в городе начался жуткий творческий кризис. Работа перестала клеиться, бессонница замучила... В общем, решила взять отпуск, отключить телефон и пожить в тишине. Дом мне от бабушки достался, вот я и ухватилась за этот шанс.

Артём внимательно слушал, бережно сжимая кружку тёплыми, мозолистыми руками. На его открытом лице читалось искреннее понимание.

— Художник - это круто, — улыбнулся он, поправив соломенную шляпу. — Творческим людям у нас нравится, тут природа дикая, вдохновения много. А мне вот двадцать три. Я местный, вырос здесь, в Глухово. По сути, садовник и ландшафтный смотритель. У меня огромный участок земли ближе к центру деревни. Выращиваю сортовые цветы, декоративные кустарники, редкие травы и саженцы плодовых деревьев. Сам заказываю семена почтой из города, вожусь с ними в теплицах. Работа тяжёлая, весь день на коленях в земле, но мне в радость. Раз в месяц ко мне приезжает большой фургон из райцентра забирает партии растений для богатых

загородных коттеджей. Этим и живу.

— Звучит здорово, — искренне заметила я, разглядывая его добрые, лучистые глаза. — Своё дело, вдали от городской суеты.

— Да, суеты у нас точно нет, — Артём усмехнулся и посмотрел в сторону леса. — Правда, Глухово — место специфическое. Старики у нас, суеверные, чужаков сторонятся. Но ты не переживай, если что-то по хозяйству сломается, крыша потечёт или дрова понадобятся — сразу зови меня. Мой дом тут недалеко, через два проулка. К тому же, ты уже успела познакомиться с нашей главной местной достопримечательностью.

— Это ты про Ишь? — догадалась я. — Она вчера вечером заходила, польнь мне подарила. Странная она, но очень милая. И кошки у неё забавные.

— Да, Ишь хорошая, — мягко кивнул Артём. — Мы с ней дружим. Местные её шаманкой лесной кличут, боятся, за спиной шепчутся, а как прижмёт — бегут к ней за травами, чаем да настойками. Она в лесу каждую травинку знает. Вы с ней точно поладите.

Мы проговорили ещё около получаса. Артём травил забавные байки про деревенских коров, а я рассказывала ему про забавные казусы на фрилансе. Напряжение, державшее меня последние месяцы в городе, окончательно растаяло. Мне казалось, что это лето станет самым лучшим в моей жизни.

Вдруг со стороны дороги послышался звонкий детский смех и быстрый топот босых ног по пыльной траве. Тяжёлая деревянная щеколда калитки звонко звякнула, и во двор буквально влетели двое: взъерошенный мальчишка лет десяти и девчушка по младше, с забавными растрёпанными косичками. Они оба были босиком, от них пахло речной свежестью и солнцем, а шорты были насквозь мокрыми — явно только что вылезли из воды.

Заметив Артёма на веранде, дети синхронно затормозили. Девочка с разбегу взлетела по деревянным ступеням, едва не сбив парня с ног, и крепко обняла его за пояс, а мальчик весело запрыгал рядом. Было видно, что Тёма для них — самый лучший и любимый друг в этой деревне.

— Тёма! Тёмочка! Наконец-то мы тебя нашли! — зашебетала девчушка, а потом с любопытством уставилась на меня своими огромными глазами. — Ой, привет. А ты внучка Павла Егоровича, да? Ты теперь тут жить будешь?

— Так, стоп, мелюзга! Раскричались на всю деревню, — со смехом перехватил девчонку Артём, взъерошил волосы мальчишке и шутливо погрозил им пальцем. Повернувшись ко мне, он улыбнулся: — Варя, знакомься, это главные нарушители спокойствия в Глухово. Шустрый парень — Матвей, внук Бабы Кати. А эта козочка с косичками — Алёнка, внучка Бабы Веры. Они у нас на лето приехали.

— Привет, Матвей, привет, Алёнка, — я дружелюбно улыбнулась детям. — Да, меня Варя зовут. Рада познако-

миться.

— Очень приятно! — вежливо кивнул Матвей, утирая пот со лба, а затем снова затараторил, переводя взгляд на Артёма: — Тём, короче, там на озере вообще класс! Вода — во! Тёплая как парное молоко! Мы тарзанку новую привязали, Баба Вера нам разрешила ветку на иве использовать. Пойдём с нами купаться? Мы и Варю зовём! Вы почему дома сидите, сегодня же жарница будет!

Артём приподнял бровь:

— Вы почему уже мокрые? Баба Катя же просила до обеда в воду не лезть, опять влетит вам обоим.

— Да мы только ножки помочить хотели, а Матвей сорвался! — захихикала Алёнка. — Тём, ну пошли! Там Баба Вера на лужайку своё стадо пригнала, Зорька сегодня такая добрая, погладить себя дала.

— Да, всё вообще отлично, — кивнул Матвей, но вдруг на секунду замялся, почесал затылок и добавил, заметно понизив голос: — Тём, мы там ещё Влада видели. Нашего соседа бледного. Он у самой кромки леса стоял, где камыши густые. Мы когда тарзанку привязывали, он из чащи вышел, подошёл к старому дереву и... ну, странное что-то делал. Нас даже не заметил. Он ножом вырезал на коре какой-то угловатый знак, а потом достал из кармана шёлковый платок. Яркий такой, зелёный, в мелкий белый горошек. Он этот платок в расщелину коры ножом затолкнул, прямо под этот знак, и зашептал что-то.

У меня внутри всё странно похолодело, а дыхание перехватило. Я невольно перевела взгляд на свои чемоданы, сложенные в углу веранды.

Именно этот зелёный шёлковый платок в горошек я лично повязала на ручку своего самого большого чемодана в городе. Вчера, когда таксист уехал, а Влад крутился рядом с моими коробками, платок пропал. Я подумала, что он просто соскользнул в дорожную пыль и потерялся где-то по пути...

— Матвей... — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы. — А платок точно был зелёный? В белый горошек? С оборванным краем?

— Ну да, — паренёк удивлённо округлил глаза, преданно глядя на меня. — Точь-в-точь такой. А откуда ты знаешь, Варь? Ты его тоже видела?

Я не ответила. Сердце заколотилось в груди как бешеное. Зачем моему новому, вежливому соседу красть мою личную вещь, тащить её в глубь леса и прятать под вырезанным на дереве знаком?

Я заметила, как Артём на секунду замер с кружкой кофе в руке. Его весёлая улыбка мгновенно угасла, а пальцы, сжимавшие ручку, побелели. Как человек, выросший здесь, он явно понял гораздо больше, чем дети. Тёма мельком посмотрел на меня — в его глазах промелькнула самая настоящая, взрослая тревога, — но он тут же взял себя в руки, чтобы не пугать мелких.

— Ну, Влад у нас всегда со странностями, вы же знаете.

Мутит там что-то со своими пчёлами, — преувеличенно бодро ответил Артём, переводя взгляд на притихших детей. — Ладно, заинтриговали вы меня своей новой тарзанкой. Варя, ты как? Прогуляемся до озера? Заодно покажем тебе наше лучшее место в Глухово. Освежишься, а?

Я сглотнула подступивший к горлу ком, посмотрела на пучок полыни над дверью и решительно закрыла дедушкину книгу. Остаться сейчас одной в этом двухэтажном доме на отшибе мне хотелось меньше всего на свете.

— С удовольствием, — постаралась как можно спокойнее улыбнуться я, поднимаясь со стула. — Только блокнот с карандашами возьму.

Матвей и Алёнка с весёлыми криками помчались вперёд по узкой лесной тропинке, наперебой споря, кто первый добежит до тарзанки. Пыль из-под их босых пяток облачками оседала на придорожную траву. Как только дети отделились на безопасное расстояние, я резко схватила Артёма за рукав рубашки. Мои пальцы дрожали.

— Артём, это мой платок, — быстро, почти шёпотом заговорила я, заглядывая ему в глаза. — Понимаешь? Зелёный, в горошек. Он был привязан к моему чемодану. Влад вчера крутился рядом с вещами, а потом платок пропал. Он украл его! Зачем он ходит в лес и прячет мои вещи в деревьях? Что с ним вообще не так?

Артём остановился. На секунду его лицо сделалось очень серьёзным, он поправил свою соломенную шляпу. Но затем

он внимательно посмотрел на меня, и в его тёплых глазах промелькнула странная, едва уловимая тень. Он явно по-мальчишески приревновал — ведь он всё утро пытался произвести на меня впечатление своими цветами, а тут все мои мысли занял этот загадочный сосед.

— Слушай, Варя, — Артём неловко улыбнулся и попытался перевести всё в шутку, хотя в голосе сквозило напряжение. — Влад у нас, конечно, парень со странностями. Живёт один, чернокнижием каким-то балуется, травки сушит, заговоры шепчет... Местные знают, что он колдует, но его не трогают — пчёлы у него, больно хорошие. Может... ну, может, понравилась ты ему? Решил приворожить по-деревенски, вещь твою утащил. Ты у нас девушка видная, городская, такие редко у нас. - Тёма попытался рассмеяться, но смех вышел фальшивым. Он тут же помрачнел и добавил уже тише:

— Но если честно, мне это тоже не нравится. Ты к нему близко не подходи, ладно? Если начнёт надоедать — сразу мне говори.

Мы вышли на светлую, ослепительно залитую солнцем лужайку. Озеро Глухово искрилось, как огромное зеркало. На полянке лениво лежали коровы Бабы Веры, мирно пожёвывая траву. Матвей и Алёнка уже всюю резвились у берега, с визгом брызгая друг на друга тёплой водой, а Артём присел на деревянный мостик рядом с ними, разулся и опустил ноги в прохладную гладь, приглядывая за мелюзгой.

Я огляделась. Сердце всё ещё колотилось в груди. Блокнот с карандашами лежал в сумке, но мне было не до рисунков. Ноги сами понесли меня вдоль берега — туда, где весёлая лужайка резко обрывалась, переходя в густые заросли камыша и мрачную, холодную стену столетнего елового леса. Именно туда, где дети видели Влада. Мне было интересно что замышлял тот дружелюбный на вид парень.

Я шла, вглядываясь в серые стволы деревьев. На границе тени и света я заметила старую, могучую ель. На её коре действительно виднелся свежий, сочащийся смолой надрез, а под ним, глубоко в расщелине, виднелся знакомый зелёный шёлк.

Я сделала шаг к дереву, протягивая руку, чтобы забрать свой платок, к приворотам я относилась не очень хорошо, жить с мыслью что мою вещь украл колдун ради приворота мне не хотелось. не успев вытащить платок из кустов лесной малины бесшумно, словно кошка, выскочила Ишь. Её рыжие кудри растрепались, зелёный сарафан зацепился за ветку, а на лице читался самый настоящий, неподдельный испуг. Она подбежала ко мне и больно схватила за запястье, оттаскивая назад, на солнечную сторону.

— Варя, стой! Не смей трогать! — хлёстко, шуршащим шёпотом прикрикнула она, тяжело дыша. Откуда то выскочили её чёрные кошки и испуганно замерли у её ног. — К самому лесу не подходи, не смей наступать на его тень. Утащат. Земля здесь сейчас, порченная, духи леса обозлены на

Глухово за старый грех, они голодные. Шагнёшь за черту — обратно не вернёшься.

— Ишь, успокойся, это мой платок! — я попыталась вырваться. — Влад украл его вчера и спрятал здесь! Что он делает?

Ишь резко повернулась к ели и вгляделась в вырезанный на коре знак. Её харизматичное, яркое лицо мгновенно побледнело, а карие глаза расширились от ужаса. Она медленно обвела пальцем угловатые линии, не касаясь самой смолы.

— Это не просто знаки, Варь... — Ишь сглотнула, и её деревянные бусы тихо звякнули. — Это славянские руны Черно книжия. Верхний знак — это Нужда. Руна сковывания, привязки, непреодолимой судьбы. А под ней он вырезал Краду — руны жертвенного огня. Но Влад перевернул её. Перевернутая Крада означает, что он забирает твою жизненную силу, твою долю и привязывает твою душу к этому лесу через твою вещь. Это обряд обмена. Он темнит, Варь. Очень сильно темнит.

Шаманка обернулась ко мне, её руки дрожали, но взгляд был твёрдым и решительным.

— Мы с Владом давно враждуем. Моя магия — от светлого леса, от живых духов, я шаманка, моя традиция завязана на гармонии с природой, а он черпает силу из Нави, из мира мёртвых. Он крадёт чужие жизни, чтобы подпитывать себя. Я чувствовала, что он что-то готовит к Ивану Купалу, но не знала, кто его цель. Теперь знаю. Это ты, Варя. Лучше вооб-

ще к нему не приближайся, не разговаривай с ним и ничего не бери из его рук. Он частенько вертелся возле твоей избы. Он хочет забрать тебя.

Ишь решительно шагнула вперёд, протягивая руку к расщелине в коре ели, где виднелся зелёный шёлк моего платка. Её кожаные браслеты сухо зашуршали.

— Нельзя оставлять привязку, Варя. Я сейчас сниму её, пережгу полынью, и морок отступит...

Она ухватилась за край ткани и с силой потянула на себя.

В ту же секунду мир вокруг нас словно сошёл с ума. Жаркое июньское солнце над озером никуда не исчезло, но здесь, под сенью столетней ели, воздух мгновенно стал ледяным. Из расщелины, прямо из-под вырезанной руны Нужды, раздался оглушительный, утробный треск, похожий на взрыв падающего дерева. Но ель стояла неподвижно. Земля под нашими ногами ощутимо вздрогнула. В лицо нам ударила резкая, мощная волна ледяного ветра, густо пахнувшая болотной тухлятиной и разрытой могильной землёй.

Этот невидимый удар был такой силы, что нас с Ишь буквально отбросило назад. Я больно ударилась спиной о сухую траву, а Ишь отлетела на пару метров, едва успев сгруппироваться. Её чёрные кошки в ужасе вздыбили шерсть и с диким шипением скрылись в кустах. Из чащи леса донёсся низкий, предупреждающий гул, от которого заложило уши. Лес ясно дал понять: метка принадлежит ему, и забирать её обратно он не позволит.

— Варя! Ишь! Вы чего там делаете?! — с мостика донёсся встревоженный крик Артёма. Он уже поднялся на ноги и быстро шёл в нашу сторону по лужайке, испуганный странным шумом.

Ишь тяжело поднялась с земли, отряхивая зелёный сарафан. Её рыжие кудри растрепались, а лицо было белым как мел. Она подбежала ко мне, рывком помогла подняться и крепко схватила за руку.

— Нам нужно уходить. Быстро. Прямо сейчас, — её голос дрожал от сдерживаемой паники.

Когда Артём подошёл, мы уже стояли на залитой солнцем траве, подальше от тени деревьев. Тёма удивленно переводил взгляд с моего испуганного лица на бледную Ишь.

— Девчонки, что случилось? Матвей говорит, вы тут как будто упали...

— Всё нормально, Тём, — резко оборвала его Ишь, не давая мне вставить ни слова. Её карие глаза смотрели на него с глухой тревогой. — Нам с Варей нужно идти. Срочно. Дела у нас. Посиди с мелюзгой на озере, присмотри за ними, что бы в лес не совались, ладно?

Тёма нахмурился, явно чувствуя, что мы что-то недоговариваем. В его взгляде снова промелькнула та самая ревнивая и растерянная тень, но он лишь молча кивнул:

— Ладно... Варя, если что — я у себя в саду после обеда буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.